
Глава 13

«КРАСНЫЙ ТЕРРОР» В ПЕТРОГРАДЕ

Убийство Моисея Урицкого утром 30 августа и неудавшееся покушение на Ленина вечером того же дня рассматриваются обычно в качестве непосредственной причины «красного террора». На самом деле, к тому времени необъявленный «красный террор» в самых разных формах уже несколько месяцев шел в Москве и других крупных российских городах. В Петрограде практика взятия политических заложников распространилась в конце июля. 19 августа был снят запрет Урицкого на расстрелы ПЧК (после чего были расстреляны первые 21 человек), а 28 августа на пленарном заседании Петроградского Совета произошло фактически официальное провозглашение «красного террора». Тем не менее, верно, что в бывшей столице именно убийство Урицкого вкупе с покушением на жизнь Ленина спровоцировали такую безудержную волну арестов, политического заложничества и расстрелов, чинимых ПЧК, районными органами безопасности и просто отрядами рабочих и солдат, что она превысила всё происходившее ранее, даже в Москве.

В основе «красного террора» в Петрограде осенью 1918 г. лежала цель обеспечения политической стабильности в условиях растущей уязвимости города, почти лишенного сил безопасности. Тем не менее, кто именно нес ответственность за его провозглашение, остается неясным. Неподобающе, чтобы команда была дана сверху, как принято считать. Центральный Совнарком не выносил официальных решений по массовому террору (сверх того, что содержалось в резолюции Пятого Всероссийского съезда Советов) до 4 сентября (1). К тому времени «красный террор» в Петрограде уже бушевал вовсю. Да и в самом Петрограде официальная реакция на убийство Урицкого со стороны СК СО и расширенного пленума Петроградского Со-

вета последовала не ранее 6 сентября. В тот день СК СО подтвердил свой декрет от 17 августа, разрешивший ПЧК расстреливать виновных в целом ряде политических преступлений (2). В условиях, когда волна арестов и расстрелов в Петрограде достигла небывалой высоты, подтверждение этого декрета могло означать попытку ограничить сферу применения внесудебных расстрелов компетенцией ПЧК. Одновременно пленарное заседание Петросовета, начавшееся с памятных словословий в адрес погибшего Урицкого, приняло резолюцию, которая заклеймила «правых эсеров, меньшевиков, черносотенных офицеров, попов и кулаков» как преступников, стоящих вне закона, объявила в городе военное положение и пообещала «на белый террор буржуазных убийц» ответить «красным террором» (3). При этом опубликованный в тот же день в партийной и советской печати доклад ПЧК о проделанной работе показывал, что уже за *предыдущую* неделю были расстреляны 512 контрреволюционеров. В отчете был также приведен список из 120 лиц (первый из нескольких), арестованных в качестве заложников на случай нового покушения на жизнь кого-либо из большевистских лидеров (4). Кто же, в таком случае, дал официальный старт программе массового террора в Петрограде?

* * *

Менее двух часов спустя после убийства Урицкого президиум Петроградского Совета разослал всем районным Советам, районным штабам Красной армии и комендатурам Комитета революционной охраны Петрограда «экстренное» сообщение. Поставив их в известность о задержании убийцы — «правого эсера» Каннегисера и о причастности к убийству англичан и французов, руководство Петросовета приказывало усилить посты охраны, соорудить в стратегически важных местах баррикады и привести «все силы» в боевую готовность. В первые часы после убийства главы ПЧК руководство опасалось, что это могло быть началом давно ожидаемого полномасштабного совместного наступления внутренних и внешних врагов с целью свергнуть Советскую власть в Петрограде. В своем послании президиум Петросовета распорядился немедленно произвести

максимально широкие обыски и аресты буржуазии, царских офицеров, подозрительных элементов среди студентов, госслужащих, а также англичан и французов (5). Этот документ, наряду с условным разрешением расстрелов ПЧК, принятым СК СО 19 августа, может вполне считаться еще одним крупным шагом к объявлению «красного террора» в Петрограде.

Однако, при внимательном рассмотрении, становится очевидно, что инициатива в осуществлении официальной программы полно- масштабного «красного террора» в Петрограде, включая массовые расстрелы граждан, исходила от Петербургского комитета большевиков. Сразу после получения известия о гибели Урицкого он созвал совместное совещание партийного руководства с имевшими отношение к делу членами СК СО, которое состоялось 30 августа после обеда в той же гостинице «Астория». (Важно отметить, что оно проходило днем, еще до покушения на Ленина.) Об этом совещании рассказала в своих воспоминаниях Елена Стасова (6). В самом начале совещания Зиновьев, напомнив собравшимся о сдержанной позиции партии после убийства Володарского, потребовал, чтобы на этот раз «соответственные меры» были приняты безотлагательно. В числе таких мер он предлагал «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице».

По утверждению Стасовой, присутствовавшие «товарищи» слушали экстремальные заявления Зиновьева «в смущении». Когда же она взяла слово, чтобы возразить ему, Зиновьев в гневе выскочил из комнаты. Среди тех, кто поддержал Стасову, был и Глеб Бокий, представлявший ПЧК (7). В конце концов, было принято решение о создании в районах специальных троек для выявления «контрреволюционных элементов». Прочие меры, согласованные на этом совещании или сразу после него, включали немедленный расстрел значительного числа политических заложников, задержанных ранее ПЧК, и назначение Стасовой в президиум ПЧК с целью проверки списков лиц, подлежащих расстрелу. Лозунги, принятые на этом совещании и опубликованные на следующий день в газетах от имени ПК большевиков, гласили: «На белый террор контрреволюции мы ответим красным террором революции!» и «Белогвардейцы слишком долго оставались безнаказанными — настал час расплаты!» (8).

Большой процент арестов и расстрелов, произведенных ПЧК в рамках «красного террора» 1918 г. в Петрограде, пришелся на первые несколько дней после этого решения, принятого расширенным составом ПК 30 августа. В ночь с 30 на 31 августа только в одном Адмиралтейском районе чекистами были арестованы около 40 человек, в основном бывшие офицеры и правые эсеры (9). Особенno большое количество расстрелов «контрреволюционеров» было произведено, судя по газетным сообщениям, в ночь с 31 августа на 1 сентября (10).

Многие из этих первых жертв «красного террора» томились в тюрьмах месяцами. Так было, например, с Василием Мухиным — бывшим богатым и, по всем отзывам, необычайно добрым помещиком, который, судя по документам ПЧК, был арестован в мае на основании слухов о причастности к делу о «Каморре народной расправы» (11). Представителям петроградского Собрания уполномоченных, арестованным в Москве в середине июля, во время разгона правительством регионального Рабочего съезда, повезло больше, чем Мухину. Поскольку к началу «красного террора» они все еще находились в заключении, казалось, что расстрела им не избежать. Однако руководство партии меньшевиков мобилизовало на их защиту зарубежных социалистов. Советское правительство побоялось неприятностей, и Рязанов, действуя через Свердлова и Чичерина, сумел добиться освобождения некоторых делегатов Собрания под свое поручительство (12).

2 сентября в Московском Совете депутат Вознесенский, только что вернувшийся из Петрограда, докладывал, что там расстреляны уже пятьсот «представителей буржуазии» (13). Если эта цифра точна, то она представляла собой количество политических заключенных, расстрелянных ПЧК за две ночи — 30/31 августа и 31 августа/1 сентября (14). Также она охватывала все количество расстрелянных (кроме двенадцати), о которых было объявлено в печати 6 сентября, и более 2/3 из той цифры — «до 800» — которую привел на съезде представителей ЧК Северной области в середине октября Бокий, докладывая об итогах «красного террора» в Петрограде (15). Последняя цифра также соответствовала данным об общем количестве расстрелянных во время «красного террора» лиц, приведенным в итоговых годовых статистических таблицах по ПЧК и Петроград-

ской губчека, подготовленным для внутреннего пользования (16). Еще около пятисот из примерно тысячи заложников были расстреляны Кронштадтской ЧК за период «красного террора» (17).

При всем сказанном, точное число жертв «красного террора» в Петроградском регионе узнать, по-видимому, никогда не удастся, потому что имеющиеся цифры не учитывают расправ, произведенных районными органами безопасности и самоорганизованными рабочими отрядами, в некоторой степени подконтрольными ПЧК. Деятельность одного из таких рабочих отрядов описал в своих неопубликованных мемуарах, написанных в конце 1920-х или в начале 1930-х гг., некий С. П. Петров. В 1918 г. большевик Петров работал на машиностроительном заводе «Новый Лесснер». Он вспоминал, что после убийства Володарского и Урицкого он и его товарищи опасались, что могут стать следующими жертвами бомбометателей-эсеров. «Мы выводили всех рабочих своего завода на антиэсеровские демонстрации... [Мы] объявили ответный террор и осуществили его... Мы тогда не стеснялись — заядлых враговтопили в барках на Лисьем Носу... В день операции... ребята собираются вечером, [а] я информирую их о том, что придется делать» (18).

Распространению подобной практики «судов Линча» способствовали публикации в петроградской прессе, особенно в «Красной газете». После убийства Володарского последняя превзошла по яростности требований немедленного «красного террора» все прочие петроградские издания. Неудивительно, что и после убийства Урицкого призывы к мести в ней звучали дольше и агрессивнее, чем в других газетах. Тональность ее публикаций периода «красного террора» хорошо передает редакционная передовица в номере от 31 августа, озаглавленная «Кровь за кровь». Она призывала рабочих ожесточить свои сердца, чтобы они не чувствовали жалости к убиваемым врагам и не трепетали при виде моря проливаемой вражеской крови. Статья заканчивалась словами: «Пусть прольется кровь буржуазии и ее слуг — больше крови!» (19)

Другая передовица «Красной газеты», опубликованная в первый день «красного террора» в Петрограде и озаглавленная «К стенке!», проводила параллель между якобинским Террором во Франции 1793 г. и ситуацией, сложившейся в России. Когда французский народ восстал против власти аристократов, королей и церкви, победа не дос-

талась ему легко, утверждалось в статье. Старый порядок упорно сопротивлялся. Но ценой сверхчеловеческих усилий французы одолели все препятствия. Прежде всего, революция решительно расправилась с внутренними врагами, провозгласив Террор против всех врагов революции. Его лозунг был: «На фонари всех аристократов!» В ходе борьбы с контрреволюционерами, революция постепенно крепла в военном отношении и, в конце концов, французы начали побеждать и своих внешних врагов. Мы, продолжал автор статьи, переживаем период, очень похожий на тот момент в Великой Французской революции, и мы тоже должны, в первую очередь, победить внутреннюю контрреволюцию. Французские революционеры тысячами вешали своих врагов народа, аристократов, на фонарных столбах. Русская революция ставит своих врагов к стенке, заканчивал автор и призывал: «К стенке буржуев!»

Масштаб расстрелов в первые дни «красного террора» в Петрограде разочаровал редакцию «Красной газеты». Свое мнение она четко выразила в номере от 4 сентября, признав, что расстрелы, произведенные после убийства Урицкого и покушения на Ленина, были началом террора, но не более того. Партия еще не избавилась от преступной мягкости, поэтому, вместо обещанных тысяч, на деле были расстреляны лишь несколько сот представителей буржуазии (20).

«Красный террор» в Петрограде опирался на массированную идеологическую кампанию, направленную, во-первых, на разжигание ненависти рабочих к внутренним и внешним врагам революции и, во-вторых, на соединение их в сознании рабочих. В первую неделю сентября статьи, лишь слегка уступающие в агрессивности «Красной газете», появились во всех петроградских изданиях. Ежедневные митинги на предприятиях, в рабочих клубах и в других общественных местах по всему городу, на которых выступали известные партийные деятели с речами на тему «С кем мы воюем?», также использовались для упрочения народной поддержки террора (21).

Уже 2 сентября стало известно, что жизнь раненого Ленина находится вне опасности, и он идет на поправку. Однако медицинские бюллетени о состоянии его здоровья продолжали публиковаться на страницах главных петроградских газет еще довольно долго. Они

выходили в обрамлении многочисленных резолюций рабочих и красноармейских собраний, выражавших надежду на выздоровление вождя, осуждающих покушение на него и требующих мести; статей о непреходящей роли Ленина в российском и международном рабочем движении; а также описаний убийства Урицкого, отчетов ПЧК о ходе расследования и памятных статей о нем как об идеальном партийном лидере.

Центральный пункт слаженной пропагандистской кампании по соединению в массовом сознании внутренней и внешней контрреволюции был связан с так называемым «делом Локхарта», представленным как совместный заговор союзников по свержению Советской власти в обеих столицах под руководством Брюса Локхарта (22). В начале августа члену коллегии ВЧК Варваре Яковлевой было поручено руководить расследованием петроградских эпизодов этого дела. Пока она находилась в бывшей столице, в Москве были разоблачены сам Локхарт, Сидней Рейли и полковник Анри де Вертамон — руководитель подрывной деятельности французского правительства на территории Советской России и один из главных сообщников Рейли. Все трое были разоблачены агентами Дзержинского — то ли Мурой Бенкендорф, то ли полковником Эдуардом Берзиным, командиром полка латышских стрелков, который обманул Локхарта и Рейли, заставив их поверить, что его солдаты готовы выступить против Советской власти. Что касается Петрограда, то сведения, собранные ПЧК, указывали, что центром подготовки к заговору там было посольство Великобритании. В этой связи ближе к концу августа в Петроград из Москвы были направлены дополнительные следователи-чекисты, а вскоре планировал прибыть и сам Дзержинский (23). Как мы помним, первое, что сделал Ленин, узнав об убийстве Урицкого, — послал Дзержинского в Петроград.

Мура Бенкендорф в 1918 г. *Sir Robert Hamilton Bruce Lockhart Collection, Hoover Institution Archives*

В советских источниках налет ПЧК на британское посольство вечером 31 августа изображается как удивительно успешная операция по захвату участников «дела Локхарта» — антисоветского заговора внутренней и внешней контрреволюции, составной частью которого было и убийство Урицкого. Хотя британские архивные документы показывают, что для утверждений о связях британского посольства с внутренними контрреволюционными заговорами существовали веские основания, нет никаких сведений о том, что подрывные действия Локхарта и Кроуми носили скоординированный характер. В своем служебном отчете, сделанном вскоре после этих событий, Гарольд Тревенен Холл, гражданский сотрудник британской разведки, работавший вместе с Кроуми в Петрограде, пришел к выводу, что два тайных агента, Сабир и Штекельман, с которыми Кроуми сотрудничал в августе, были агентами-провокаторами. Он рассказал, что 31 августа встретился с ними в середине дня по их просьбе. Наставая на том, что пришло время действовать, они предложили как можно скорее организовать встречу англичан с ними и другими представителями антибольшевистских организаций, работавших с Кроуми, чтобы спланировать выступление. В качестве места встречи они предложили гостиницу «Франция» (24).

31 августа «красный террор» в Петрограде уже шел вовсю. Ночью 30/31 августа были арестованы британский консул Артур Вудхаус и ближайший сподвижник Кроуми Ле Паж. Поэтому нетерпение Сабира и Штекельмана не насторожило Холла. Со своей стороны, он предложил провести встречу прямо в тот же день, чуть позже, но не в гостинице «Франция», а в британском посольстве. Если Сабир и Штекельман вели свою игру, то ловушка, которую они готовили для Кроуми и других заговорщиков, сработала бы во «Франции», не в посольстве. Выслушав Холла, Кроуми начал подготовку к намеченной встрече. Единственный контрреволюционный лидер, имя которого упомянул Холл, был генерал Юденич, и за ним послали машину (25). Впоследствии советская пресса сообщала, что ПЧК ожидала увидеть в посольстве среди прочих известных контрреволюционных деятелей Бориса Савинкова и Максимилиана Филоненко (сподвижника Савинкова и одного из контактов Кроуми в российской контрреволюционной среде) (26). Как бы то ни было, оказалось, что Юденич скрывался в голландском посольстве, и больше никто из русских

сообщников Кроуми, кроме Сабира и Штекельмана, к назенному часу в посольстве не появился (27).

Между тем, вечером 31 августа в Петроград прибыл Дзержинский (28), узнавший там и о покушении на Ленина в Москве, и, предположительно, о ловушке, подготовленной Сабиром и Штекельманом. Прежде чем поспешить обратно в Москву, чтобы взять под контроль чрезвычайную ситуацию в столице, он дал добро ПЧК на налет на британское посольство. Руководить акцией был назначен Семен Геллер (29). Среди участников были заместитель Геллера Я. Шенкман, следователь из Москвы Бронислав Бортников, другие комиссары и агенты ЧК. В своем отчете Холл свидетельствовал, что незадолго до начала рейда Сабир спускался вниз, на первый этаж посольства, якобы для того, чтобы наказать своим агентам «держать ухо востро». Впоследствии Холл предположил, что Сабир выходил, чтобы дать сигнал к началу акции. Хотя, учитывая, что интересующих ПЧК контрреволюционных фигур в посольстве не было, возможно, что он пытался отменить налет, но безуспешно.

Через считанные минуты после возвращения Сабира в посольство с пистолетами в руках ворвались люди Геллера. Когда они добрались до кабинета Ле Пажа на втором этаже, где собирались Кроуми, Холл, Сабир, Штекельман и, возможно, кто-то еще, началась стрельба. В неразберихе комнатной перестрелки двое — Кроуми и чекист Роберт Ионсон — были убиты, Шейнкман и Бортновский серьезно ранены. Геллер позже признался, что это его выстрел ранил Бортновского (30). Примерно 40 человек, находившиеся в посольстве во время налета, были арестованы и препровождены на Гороховую, 2. Кроме Сабира, Штекельмана и некоего князя Шаховского, остальные были русские и британские сотрудники посольства. Был день выплаты жалования, и большинство сотрудников были захвачены в офисе «казначея» Эрнста Бойса (31). Тот факт, что Сабир и Штекельман были захвачены, но, в отличие от Шаховского, не оказались в списке арестованных, подтверждает вывод Холла о том, что они были агентами-провокаторами.

Сообщения, появившиеся во всех петроградских газетах после инцидента в посольстве, заявляли о том, что компрометирующие сведения, собранные в ходе рейда, в совокупности с информацией, полученной из анонимных источников, свидетельствуют, что ПЧК

удалось ликвидировать «грандиозный заговор», в который оказались вовлечены внутренние контрреволюционные организации и иностранные агенты «англо-французского капитала». В этой связи, налет на посольство — в той мере, в какой он соединил в массовом сознании внутреннюю контрреволюцию с «англо-французским капиталом» — по-видимому, был успешным. Восприятию арестованных британских чиновников как опасной угрозы способствовал и тот факт, что они были помещены в страшный Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где в царские времена содержались особо опасные политические преступники. Однако во многих важных отношениях рейд оказался провалом. Наиболее вероятный главный основатель «заговора Локхарта», Сидней Рейли, который находился в Петрограде 31 августа, не был схвачен. Джон Меритт, британский бизнесмен, ставший тайным агентом и тесно сотрудничавший с Кроуми все лето, продолжал снабжать деньгами, по крайней мере, некоторых из финансируемых им заговорщиков и контрреволюционных организаций. Он так наловчился переправлять через финскую границу нелегалов: британцев, избежавших ареста в ходе чекистского налета на посольство, и попавших под подозрение русских, — что стал известен как новый «Скарлетт Пимпернел» (32). Более того, обрывки созданной Кроуми тайной сети были вскоре подхвачены другими британскими агентами, такими, например, как Пол Дьюкс (33). И хотя британское правительство поначалу опасалось насчет информации, которую могли содержать захваченные в ходе рейда документы, их ценность оказалась незначительной, поскольку Кроуми еще в июле уничтожил все компрометирующие записи и шифры. С точки зрения советских властей, рейд мог считаться неудачным еще в одном отношении. Он вынудил ВЧК совершить преждевременную атаку на заговорщиков в Москве (34). В ночь с 31 августа на 1 сентября там были произведены массовые аресты сотрудников британского и французского консульств. Среди тех, кого удалось схватить, были Локхарт, его любовница (и вероятная осведомительница ЧК) Мура Бенкендорф, капитан У. Л. Хикс (ближайший помощник Локхарта) и Ксенофон Каламатиано, глава американской шпионской группы в России, а также многие из его русских агентов. Де Вертомон, главный французский соучастник планов Рейли, как и сам Рейли, сумел избежать ареста.

В тюрьме задержанные пробыли несколько недель, после чего не только Локхарт, но и его британские и французские коллеги, арестованные в Москве, а также сообщники Кроуми, арестованные в Петрограде, были освобождены в обмен на Максима Литвинова, будущего советского наркома иностранных дел, и его окружение. (Временный полномочный представитель Советского правительства в Великобритании Литвинов был задержан и помещен в Брикстонскую тюрьму после ареста Локхарта.) В итоге, Каламатиано оказался единственным обвиняемым от союзников, присутствовавшим на публичном процессе по «делу Локхарта», который состоялся в Верховном революционном трибунале 28 ноября — 3 декабря 1918 г. Наряду с Каламатиано и примерно пятнадцатью предположительными членами его группы, а также пятью членами группы Рейли, обвиняемыми от союзников (судимыми заочно) на процессе были Локхарт, французский генеральный консул Фердинан Гренар и Де Вертамон (35). Ни одного из арестованных в Петрограде иностранных агентов не было в числе обвиняемых, возможно, потому что главный из них — Кроуми — был убит. В этих обстоятельствах раскапывать данные о его подрывной деятельности и допрашивать его коллег значило еще сильнее разжечь антисоветские настроения в Лондоне. Не было также сделано сколько-нибудь серьезных попыток соединить воедино антисоветские заговоры в Петрограде и Москве.

Из русских подсудимых на процессе только полковник Александр Фриде, признанный виновным в том, что он был главным агентом Каламатиано, был приговорен к смертной казни и расстрелян. Ряд других агентов Каламатиано получили относительно небольшие тюремные сроки. Как ни старался председатель Революционного трибунала Крыленко, он так и не сумел доказать, что русские обвиняемые, связанные с другими иностранными агентами, кроме Каламатиано, были чем-то большим, чем просто пешками. С части из них обвинения были сняты, другие были оправданы или получили незначительные наказания. Каламатиано был приговорен к смертной казни, но исполнение приговора было отсрочено, и в августе 1921 г. он был освобожден, в соответствии с условиями договора между Советским правительством и АРА (Американской организацией помощи) о чрезвычайной продовольственной помощи России. Локхарт, Рейли, Гренар и Де Вертамон были заочно объявлены «врагами

трудового народа», стоящими «вне закона» и подлежащими расстрелу, если будут найдены на территории Советской России.

Налет ПЧК на британское посольство и убийство Кроуми вкупе с жестокостью «красного террора» в Петрограде вообще вызвали международный протест. Дзержинский и петроградские власти делали все возможное, чтобы приглушить негодование и особенно его воздействие на мировое рабочее движение. 2 сентября в зарубежном радиообращении они заявили не только, что агенты англо-французского империализма, объединившись с внутренними врагами Советской власти, попытались повернуть вспять революцию и реставрировать царский режим, что было, по крайней мере, отчасти правдой, но и что эти агенты были лично и непосредственно виновны в убийствах Володарского и Урицкого и в покушениях на Ленина и Зиновьева, что было неправдой. Характерно, что это обвинение не было выдвинуто на процессе по «делу Локхарта» в Москве. Вот что говорилось в радиообращении, которое было опубликовано в печати, по поводу налета на британское посольство:

31 августа в 6 час. вечера в здании Английского консульства в Петрограде нашей комиссии по борьбе с контрреволюцией удалось накрыть одну из главных групп английских заговорщиков... Взята громадная переписка, которую мы опубликуем и которая выдает английских заговорщиков с головой... Свидетельскими показаниями некоторых из задержанных установлено, что английскими [заговорщиками]... задумывался также арест Совета Народных Комиссаров... Мы никогда не прибегли бы к обыску зданий посольств. Но мы не можем молчать, когда посольство превращается в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц (36).

Официальная реакция министерства иностранных дел Великобритании на эти обвинения, как и на события, им предшествующие (налет на посольство, убийство Кроуми, арест посольских служащих в Москве и Петрограде) была удивительно сдержанной — возможно, потому что оно знало, что некоторые из этих обвинений обоснованы, и беспокоилось, что на свет могут всплыть веские доказательства (37). На самом же деле, «громадная переписка», якобы захваченная в британском посольстве и выдающая заговорщиков «с головой»,

никогда не была опубликована, что позволяет предположить, что Геллер и его люди ушли из посольства с пустыми руками.

* * *

2 сентября, когда стало ясно, что аресты и расстрелы в Петрограде носят повальный характер, местные представители Украины, Польши, Грузии и Литвы направили Зиновьеву совместное письмо, в котором заявили о неприемлемости подобных мер к гражданам своих стран, находившимся в тот момент в Петрограде (38). Реакция на их обращение демонстрировала хаотическую природу петроградского «красного террора». Разумеется, большое число граждан этих стран, находившихся тогда под германской оккупацией, были арестованы. Германский консул в Петрограде, узнав об этом, забросал Бокия письмами с требованием освободить большую их часть на том основании, что они находятся под покровительством Германии (39). К каждому письму прилагался список лиц, арестованных с момента предыдущего письма, с указанием их национальности и места задержания — в общей сложности, около тысячи человек (40). 10 сентября Бокий направил германскому консулу текст письма, разосланного им районным Советам с распоряжением освободить всех арестованных граждан стран, находящихся под покровительством Германии, если против этих граждан нет особых улик, обвиняющих их в контрреволюции или спекуляции. Бокий также приказал, чтобы впредь граждан этих стран, если им нельзя предъявить серьезных обвинений, не арестовывали (41). Последующие письма германского консула со списками показывают, что распоряжение Бокия было проигнорировано. Аресты граждан из стран «под германской протекцией» продолжались. К концу сентября примерно из тысячи арестованных, фигурировавших в консульских списках, освобождены были не больше двухсот (42).

В разгар «красного террора» в Петрограде его бессистемный характер встревожил руководимый большевиками Петроградский совет профессиональных союзов. 14 сентября он обратился к Зиновьеву и Бокию с предложением «во избежание роковых, непоправимых ошибок» установить строгий контроль и гарантии безопасности

сти в том, что касается расстрелов вообще, а также в отношении арестов и обысков в помещениях профсоюзов и арестов профсоюзных деятелей (43). На заседании Совета профсоюзов, одобравшем это обращение, Рязанов предложил внести поправку, призывающую покончить с практикой объявления вне закона целых партий и политическим заложничеством. Однако эта поправка не прошла (44). Любопытно, что в дни «красного террора» даже Зиновьев, который, как мы видели, был за то, чтобы позволить рабочим расправляться с буржуазией прямо на улицах, был раздражен неразберихой, творившейся в ПЧК, и невозможностью получить информацию об арестованных. После нескольких неудачных попыток разузнать судьбу того или иного человека, предположительно находящегося в руках ПЧК, он указал в записке Яковлевой, чтобы ПЧК немедленно завела «справочное бюро». Однако, явно понимая бессмысленность этого требования в сложившейся ситуации, он закончил записку просьбой, чтобы ПЧК хотя бы побыстрее реагировала на его запросы (45).

Как глава СК СО и Петроградского Совета, Зиновьев был, похоже, по крайней мере, какое-то время озабочен проблемой случайных арестов и расстрелов большевиков, а также сочувствующих и беспартийных граждан, представлявших особую ценность для правительства. С. П. Петров, тот самый рабочий завода «Новый Лесснер», который описал своиочные рейды в поисках врагов Советской власти, вспоминал, как спасал от неминуемой расправы честных революционеров (46). По мнению Стасовой, для беспокойства по поводу «роковых и непоправимых ошибок» были серьезные основания. В своих мемуарах она писала, что, проверяя списки арестованных, не раз находила и освобождала тех, кто «случайно попал» в список. «Часто аресты бывали неправильными, так как арестовывали по случайным данным, — вспоминала она. — В число арестованных попадали люди, сочувствующие нам, работавшие с нами и т. д.» (47).

В эти страшные дни в Петрограде было арестовано большое количество буржуазных профессионалов, известных людей, среди которых были выдающиеся деятели искусства (48). Были среди них и люди, чья деятельность представляла особую важность для выживания Петрограда: технические специалисты в Советах и на судах Балтийского флота (49) и врачи, ведущие борьбу с эпидемическими заболеваниями не только в масштабах Северной коммуны, но и всей

страны. В конце сентября центральный Наркомат здравоохранения привлек внимание Наркомата внутренних дел к этой проблеме, и Петровский, который прежде был сторонником массового захвата заложников из числа буржуазии и офицерства (50), спешно разослав Советам по всей стране циркулярное письмо с запретом арестовывать врачей и другой медицинский персонал «только за их популярность» (51). В начале октября Петровский расширил сферу своей озабоченности, выразив недовольство по поводу того, что, согласно его данным, мало что делается для обеспечения безопасности тыла, и, прежде всего, потому что некоторые Советы направили «красный террор» против мелкой буржуазии и интеллигенции вообще — вместо того, чтобы направить его на политически влиятельных представителей крупной буржуазии и старого режима (именно это и происходило в Петрограде). Петровский распорядился пересмотреть списки задержанных заложников и освободить тех, кто, по своей малой политической значимости, не представлял ценности как заложник (52).

В речи на открытии Седьмой городской конференции петроградских большевиков 17 сентября Зиновьев таких различий не делал. В противовес своим прежним суждениям о потенциальной опасности для власти необоснованных расстрелов, он теперь рассматривал бескомпромиссный «красный террор» как необходимую ответную меру на «белый террор» в момент, когда, по его словам, гражданская война в России близилась к апогею. Наступление Народной армии на Волге удалось остановить, но эту победу омрачали успехи казаков Краснова и Добровольческой армии на юге. Указав на районы страны, где «красный террор» уже принес результаты в виде особенно большого числа арестов и расстрелов, Зиновьев одобрительно подытожил: «Если мы будем идти таким темпом, мы [значительно] сократим буржуазное население в России» (53). Резолюция «О текущем моменте», принятая конференцией, отразила новый зиновьевский экстремистский уклон и указала на связь между «красным террором» в Петрограде и необходимостью мобилизации человеческих ресурсов для нужд фронта:

Гражданская война внутри России достигает высшей точки. Необходимость применения нами Красного террора в ответ на белый террор есть выражение того факта... Рабочий класс должен, наконец, осущест-

ствить железную диктатуру и расправиться со всеми своими врагами «по-плебейски». Тыл должен быть обеспечен, и все силы должны быть отданы фронту. Рабочих и работниц необходимо приучить к тому, что они все являются сотрудниками Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, что все мы одинаково должны быть участниками великой борьбы с издыхающей контрреволюцией (54).

Согласно позднесоветской биографии Бокия, в середине сентября Зиновьев еще придерживался идеи всеобщего вооружения рабочих Петрограда и разрешения им применять «суд Линча» по своему усмотрению (55). Поскольку Бокий был против подобного экстремизма, Зиновьев еще до конца сентября сместил его с поста главы ПЧК. Стасова, в числе прочих, настолько опасалась за его жизнь, если он останется в Петрограде без защиты, что просила Свердлова перевести его на работу в Москву, за надежные стены Кремля (56).

Дополнительное представление об отношении Зиновьева к «красному террору» вообще и роли в нем ЧК, в частности, дает стенограмма пленарного заседания Петроградского Совета 24 сентября, одной из тем обсуждения которого стала мобилизация рабочих для участия в подготовке празднования первой годовщины Октябрьской революции. После выступления Марии Андреевой — известной актрисы и гражданской жены Горького, бывшей в ту пору заместителем комиссара по делам искусств в Наркомате просвещения — в котором она рассказала о работе «Центрального бюро» по организации праздника, между Рязановым и Зиновьевым разгорелся яростный спор. Рязанов, за пару недель до этого вернувшийся из Москвы, где добивался освобождения арестованных летом участников Рабочего съезда (57), был поражен огульностью и хаотичностью осуществления «красного террора» в Петрограде и попытался, правда, безуспешно, с помощью своих коллег по профсоюзному руководству что-то изменить (58). Он был также глубоко обеспокоен нечеловеческими условиями, царившими в переполненных сверх всякого предела петроградских тюрьмах. В своем выступлении он страстно доказывал, что петроградский пролетариат не может отмечать годовщину Октября как радостный праздник (как предлагала Андреева), если на красных знаменах, которые понесут в этот день, будет кровь невинных пролетариев. Рязанов выразил мнение, что петро-

градские власти должны создать комиссию в помощь ПЧК, чтобы за месяц, оставшийся до годовщины, освободить из тюрем всех невинных жертв «красного террора» и тем самым создать «необходимые психологические предпосылки» для праздника — чтобы, как выразился он, «мы могли с чистым сердцем, совестью и энтузиазмом сказать, что 25 октября в наших тюрьмах томятся только действительно виновные, только те, по отношению к которым мы можем установить индивидуальную ответственность» (59).

Конечно, призыв Рязанова не мог не вызвать сочувствия Андреевой. Она сама не раз ходатайствовала об освобождении из тюрьмы невиновных театральных деятелей, попавших туда в ходе «красного террора» (60). Большинство слушателей отреагировали на предложения Рязанова аплодисментами, длившимися, правда, лишь до тех пор, пока на него не обрушился с критикой возмущенный Зиновьев. По мнению Зиновьева, если и есть за что революцию критиковать, так это за то, что она «слишком мягcodушна и мягкосердечна». Особенно его возмутила скрытая рязановская критика ЧК. Только лучших из нас мы посылаем туда, утверждал он, и их работа есть самое трудное из всех назначений, поскольку сажать в тюрьму даже врагов тяжело и мучительно. «Честь и слава тем товарищам, которые берут на себя эту работу», — гремел он. И, обращаясь лично к Рязанову, уточнял: «Мы арестовали не пролетариев — буржуев, да будет Вам известно, товарищ Рязанов». Правда, затем, противореча самому себе, немедленно добавил, что если рабочие последуют за такими «бандитами», как правые эсеры, революции не останется ничего другого, как воевать с ними. «Да здравствует Красный террор!» — провозгласил он. Попытки Рязанова сказать что-то в ответ заглушили свист, адресованный ему, и бурные аплодисменты, предназначенные Зиновьеву (61)

* * *

На Седьмой городской конференции петроградских большевиков, проходившей 17–21 сентября, ярко проявилась черта, ставшая важным толчком к началу «красного террора» в Петрограде: резкое падение численности партийной организации. Только за период, прошедший

после предыдущей городской конференции в июне, численность членов большевистской партии сократилась более, чем наполовину — с 13 472 до 6 000 чел. Это составляло менее 2% от числа организованных заводских рабочих (62). Падение численности было не единственной проблемой петроградских большевиков. Подробные анкеты, разосланные членам партии Петербургским комитетом в конце августа, продемонстрировали существенные качественные изменения в составе партии на местах. ПК получил 3 559 заполненных анкет — почти 60% от разосланных. Сведенные в таблицы ведущим советским экономистом и статистиком Станиславом Струмилиным, данные этих анкет являются ценную картину петроградской партийной организации осенью 1918 г. Они показывают, к примеру, что 40% членов партии (1419 респондентов) вступили в нее после Октябрьской революции; более того, подавляющее большинство этих зеленых, «октябрьских» большевиков влились в партию за последние восемь месяцев (63). Отсюда ясно, что мобилизации опытных большевиков в Красную армию и продотряды, последовавшие за более ранними оттоками кадров, резко изменили соотношение между партийными ветеранами и новичками, что не лучшим образом сказалось на организации (64). Советские руководители, от Зиновьева до деятелей местного масштаба, начиная с июня, непрестанно твердили о том, что среди новичков много людей недостойных и корыстных, искателей выгоды, чье место в тюрьме (65). Качественным ухудшением петроградской партийной организации объясняется, почему в это время ответственные члены районных партийных комитетов были вынуждены посвящать значительную часть своего времени чистке рядов посредством партийных судов; почему ПК ввел эти суды в систему и разработал процедуру их созыва (66); а также почему, несмотря на острую нехватку кадров, правила для вступления в партию были ужесточены.

Вторая тенденция, которая становится видна из струмилинских таблиц, это высокий процент петроградских большевиков, занятых непрерывной работой в Советах, органах городского управления, образования и культуры, в профсоюзах и кооперативах, в Красной армии и органах безопасности (58%, или 2 071 чел. из 3 559), по сравнению с теми, кто был занят работой в партийных организациях (67). На самом деле, даже эти цифры не дают полной картины

упадка партийной работы, поскольку только малая часть из тех, кто был ею занят, имели достаточную квалификацию, чтобы занимать ответственные посты. Достаточно сказать, что значительный процент большевиков с университетским образованием воспользовались возможностью, вслед за правительством, в марте или чуть позже переехать в Москву. В результате, только 87 респондентов из 3 559 ответили, что имеют университетское или иное высшее образование (68). Скорее всего, немногие из них были заняты партийной работой.

Неуспешными оказались и попытки петроградских большевиков привлечь в партию женщин. Несмотря на такие агитационные инициативы, как появление еженедельной странички «Работницы» в «Красной газете» и усилия женских отделов при ПК и районных комитетах партии, менее 10% петроградской организации большевиков, или примерно 700 членов, составляли женщины. И только 7% от этого числа, т. е., порядка 50 женщин, были фабричными работницами, и это в то время как в общей массе петроградских рабочих женщины составляли 39% (44 629 чел. из 113 346 занятых) (69). По мнению Струмилина, столь низкий процент работниц в партии объяснялся тем, что «женщины-работницы принадлежат к более отсталым в культурном и политическом отношениях слоям рабочей массы, преобладая, главным образом, среди текстильной и в конфекционном промысле, в табачном производстве, среди домашней прислуги и т. д.» (70).

Стремясь компенсировать нехватку критической массы кадров для работы в партийных организациях, Седьмая городская конференция петроградских большевиков решила последовать примеру Москвы и создать особую категорию «сочувствующих», т. е., заводских рабочих, которые активно поддерживали бы партию большевиков, особенно в кризисные моменты, но при этом были освобождены от необходимости вступать в партию, соблюдать зачастую обременительные обязанности и следовать, куда прикажет партия, как полноценные члены (71). Кроме того, было решено обязать всех «ответственных» большевиков на непартийных должностях принять участие в той или иной форме активной партийной работы. Отражением этого акцента на обязательность партийной работы для всех членов партии стала смена лозунга «Усилить партийную работу!»,

выдвинутого на Шестой конференции петроградских большевиков, на более жесткий «Нет членов партии без партийных обязанностей!».

Несмотря на слабость партийных организаций по сравнению с Советами, а также на подчас конкурентные отношения между ними, резолюция Седьмой партийной конференции о работе Петербургского комитета подчеркнула необходимость усилить контроль над Петроградским Советом и его органами. Можно догадаться, что не менее важным было признано осуществление контроля партийных комитетов над Советами на районном уровне (72). Возросшее значение, придаваемое отныне роли партийных организаций в решении политических вопросов на местном уровне, проявилось в том, что глава Советской власти в Петрограде Зиновьев впервые был принят в члены Петербургского комитета РКП(б) (73). Тот факт, что еще какое-то время он продолжал руководить городом и областью, как будто никакого ПК не существует, говорит о том, что партийные комитеты по-прежнему испытывали трудности в осуществлении контроля над Советами.

Участники Седьмой конференции петроградских большевиков одобрили еще одно организационное изменение, которое заслуживает того, чтобы быть отмеченным. В феврале 1918 г. на Четвертой городской конференции большевиков был создан Делегатский совет — широкий представительный орган, который должен был стать самым авторитетным органом партии в Петрограде. Предполагалось, что Делегатский совет уравновесит уменьшившийся в размерах и влиянии Петербургский комитет. Из-за острой нехватки опытных руководящих партийных кадров ПК сократился с сорока и более членов, избираемых районными комитетами, до девяти, избираемых на общегородских конференциях. Однако на практике Делегатский совет не подменил собой ПК в качестве главного партийного органа в Петрограде, оставшись не более чем резонатором идей. Заседания его происходили редко и плохо посещались, особенно в конце весны — начале лета, когда дефицит опытных партийных кадров ощущался все острее. По сути, почти с самого начала Собрание организаторов, которое даже не было упомянуто в партийном уставе, играло в петроградской партийной организации более важную практическую роль, чем Делегатский совет. Состоявшее из назначаемых членов

Собрание организаторов превратилось со временем в главный информационный канал, по которому ПК узнавал о проблемах в районах, и форум для обсуждения и распространения новых форм организационной работы. Делегатский совет собрался в последний раз, по-видимому, 6 июля (74). В сентябре он был официально упразднен Седьмой городской конференцией петроградских большевиков (75). Так, непреднамеренно, резкое сокращение опытных партийных кадров в Петрограде перечеркнуло попытку Четвертой городской конференции петроградских большевиков сохранить относительно демократический характер функционирования партийной организации (76).

* * *

В условиях «красного террора» неизбежно расширились полномочия ЧК. Конечно, лидеры большевиков в Москве, такие как Михаил Ольминский, редактор «Социал-демократа» и член Московского городского комитета партии, публично критиковали ЧК за огульную манеру осуществления террора, за неподотчетность и за явно завышенные претензии на фоне других советских структур. Особое внимание в своей критике Ольминский уделил печатному органу ВЧК — «Еженедельнику чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», который прославлял чрезвычайные комиссии и их «подвиги» по всей России (77). Выпад Ольминского был верхушкой айсберга — острых внутрипартийных споров вокруг действий ЧК в ходе террора. И, хотя в конце октября, после выхода всего шести номеров, «Еженедельник ЧК» был закрыт, произошло это не из-за критики Ольминского и других умеренных, а из-за того, что, даже с точки зрения Ленина, крайний фанатизм этого издания был неприемлемым. Впрочем, именно поддержка Ленина, Троцкого и большинства ЦК в Москве, а также Зиновьева и ПК в Петрограде помогла ВЧК выйти практически невредимой из-под огня критики.

Через несколько дней после убийства Урицкого и покушения на Ленина руководство ВЧК воспользовалось кризисной обстановкой, чтобы ускорить создание единообразных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией на местах. Одна из главных задач «Еженедельника ЧК» как раз и заключалась в том, чтобы

пропагандировать на всю страну идеи и методы ВЧК, чтобы, как было сказано во вступительной статье к первому номеру, «однообразнее, планомернее, методичнее проводить борьбу, уничтожение идеологов, организаторов и руководителей... классовых врагов пролетариата» (78).

В духе этой генеральной линии, состоявшийся в середине октября съезд представителей чрезвычайных комиссий Союза коммун Северной области поставил целью — наряду с оценкой итогов «красного террора», к тому времени в основном завершившегося — разработку общего плана работы комиссий и развитие взаимосвязей между ними. Съезд представителей ЧК Северной области, на который съехались семьдесят два делегата от всех восьми губерний, открылся в Смольном 15 октября. Прозвучавшие в начале съезда доклады с мест показали, что большинство уездных и даже губернских ЧК были созданы партийными комитетами вслед за событиями конца августа не столько как ответ на инициативу сверху, сколько в качестве средства для осуществления у себя «красного террора». Судя по этим отчетам, многие губернские и уездные ЧК, в некоторых случаях действовавшие в tandemе с комбдами, арестовали значительное число заложников. Расстрелы по вынесенным смертным приговорам осуществляли только некоторые ЧК, большинство же ждали санкций из центра (79).

Бокий, который к тому времени уже не был главой ПЧК, подвел итоги ее деятельности за семь предшествующих месяцев. Он объявил, что всего за этот период были арестованы 6229 человек. За два месяца, с 15 августа по 15 октября, следователями ПЧК было заведено 1101 дело о контрреволюции, из которых 364 были завершены. До 800 заключенных были расстреляны в ходе «красного террора». По-видимому, эту цифру составили 512 расстрелов, о которых Бокий заявил в прессе 6 сентября, и еще 288 или около того, совершенные между 6 сентября и 15 октября (80).

С главным докладом, открывшим на съезде дискуссию о роли чрезвычайных комиссий в сложившейся ситуации, выступил Зиновьев. В части, касающейся вопросов внутренней политики, он практически повторил то, что говорил на Седьмой городской конференции петроградских большевиков и на заседании Петросовета 24 сентября. Отдав дань усилиям чрезвычайных комиссий «как передовых

рабочих ячеек, призванных к укреплению революционных завоеваний», он предупредил, что «хотя буржуазия сильно сбита и сокращена, а кое-где даже почти уничтожена, она может воскреснуть». Мятеж Второго флотского экипажа тремя днями ранее (о котором речь пойдет ниже) показал, что революция все еще находится под угрозой и что только коммунистическая партия имеет право на существование. Высоко оценив успехи «красного террора» в Петрограде, он призвал не ослаблять давление на политическую оппозицию. В конце своей речи он покритиковал «нежелательные явления споров [в ЧК] о том, кто выше в государственной работе», и заявил, что ЧК, так же, как и Красная армия, является продолжением большевистской партии, и споры о том, «кто выше» нарушают лежащий в ее основе принцип внутренней дисциплины (81).

Вскоре после выступления Зиновьева на съезде разгорелись дебаты по вопросу о подчинении, или, точнее, по крайне спорному вопросу о том, кому должны подчиняться чрезвычайные комиссии на местах — вышестоящим органам ЧК или отделам управления местных Советов. Этот вопрос впервые стал предметом споров в конце весны — начале лета, когда только начала создаваться сеть региональных и местных чрезвычайных комиссий, подотчетных исключительно ВЧК, и когда претензии ВЧК на особую роль среди государственных институтов стали нарастать. Ответ местных Советов на эти претензии был дан на Первом съезде представителей губернских Советов и заведующих губернскими отделами управления, который был созван по предложению Наркомата внутренних дел в Москве в конце июля. Пятьдесят девять делегатов съезда, все большевики, единодушно и твердо отвергли претензии ВЧК на автономию. В резолюции «О чрезвычайных комиссиях» делегаты съезда заявили, что объединение управления является главной организационной задачей власти на местах, что предыдущая практика изоляции и сепаратизма со стороны ЧК, которая приводила к постоянным трениям и конфликтам с другими, объединенными, элементами местной власти, продемонстрировала ненормальность сложившейся ситуации. Поэтому необходимо перевести местные ЧК в статус подотделов отделов управления соответствующих местных Советов (82).

По совпадению, съезд представителей отделов управления Советов Северной области собрался в Петрограде в одно время с обла-

стным съездом ЧК. Председательствовавшая на съезде представителей отделов управления Сара Равич, которая сменила Урицкого на посту комиссара внутренних дел СК СО, оказалась твердым сторонником независимости ЧК. Однако ее позиция не нашла поддержки у большинства делегатов съезда. 17 октября, перед самым началом намеченной дискуссии об организационном статусе местных ЧК, которая наверняка должна была завершиться принятием решения о подчинении ЧК местным Советам, Равич объявила, что чекистский съезд «согласился» обсудить этот вопрос совместно (83). На объединенном заседании, после продолжительных, часто весьма острых дебатов, победила точка зрения представителей ПЧК, активно поддержанная Равич и ее людьми, о том, что в смертельной борьбе за выживание, которую ведет Советская власть, автономия ЧК является абсолютно необходимым условием. Резолюция, принятая совместным заседанием двух съездов, установила, что структурно чрезвычайные комиссии будут считаться отделами местных Советов и находиться «под политическим их руководством». Однако это установление оказалось, по сути, перечеркнуто значительно более важным уточнением о том, что «в своей внутренней работе чрезвычайные комиссии совершенно автономны и непосредственно подчинены чрезвычайным комиссиям высших инстанций» (84).

В то же самое время, когда ПЧК отвоевывала свою автономию у Советов, ей удалось успешно отбить попытки местной партийной организации установить свой контроль над нею. Как и в случае с Советами, эти попытки активизировались в июне, после Шестой городской конференции петроградских большевиков (85). В конце июля примерно сорок пять большевиков в составе ПЧК создали партийную ячейку во главе с бюро из активистов, которое стремилось стать влиятельным голосом во всех вопросах, которые приходилось решать ПЧК. Это соответствовало установке высшего партийного руководства на то, что, действуя через большевистские фракции в Советах и партийные ячейки в других государственных органах, партийные комитеты должны осуществлять систематический контроль за процессом принятия политических решений и соблюдением строгой партийной дисциплины в них. Однако Урицкий отказался признать новую структуру и интерпретировал амбиции партячейки как отсутствие доверия руководству ПЧК (86).

В ходе переговоров, которые затянулись до осени и сопровождались взаимными колкими обвинениями и контробвинениями, парторганизация ПЧК снизила свои притязания, согласившись не вмешиваться в оперативные вопросы и ограничиться участием в кадровых делах, включая назначения на ключевые посты и защиту прав работников. Однако для руководства ПЧК даже это было неприемлемым. Президиум ПЧК настаивал, чтобы партийная ячейка ограничилась рутинной, чисто внутрипартийной работой, как-то: принятием в партию новых членов, собиранием взносов, распространением большевистской литературы и организацией лекций. После такого унижения партячейка ПЧК, не желая переводить конфронтацию с руководством ПЧК в открытую стадию, предпочла передать вопрос на рассмотрение в ПК большевиков и, для начала, запросить его формального признания (87). До поры до времени властные полномочия руководства ПЧК остались нетронутыми.

* * *

«Красный террор» в Петрограде был развязан, чтобы уничтожить антибольшевистскую политическую оппозицию в бывшей столице. Однако, в этом отношении, его эффект оказался ограниченным. Внутренние заговоры продолжали существовать и в последней четверти 1918 г. Примером может служить неудавшийся мятеж расквартированного в Петрограде Второго Балтийского флотского экипажа, ставший отражением возрожденной политической оппозиции петроградских левых эсеров и отчуждения от большевиков демобилизованных матросов, вновь призванных на службу после поражений Красной армии на юге и на Волге. Их попытка выступления стала предвестником Кронштадтского мятежа в марте 1921 г.

После демобилизации российского царского флота и создания нового Красного флота, служба в нем стала добровольной и контрактной. Десятки тысяч матросов, призванные на службу в годы войны, воспользовались этой возможностью, чтобы вернуться домой — в деревню или в город, на фабрики. Процесс этот усилился в мае 1918 г., когда уничтожение большей части русского Черноморского флота привело к вынужденной демобилизации тысяч матросов. Од-

нако добровольный принцип комплектации флота оказался неэффективным, в основном, оттого что значительная часть опытных и квалифицированных матросов, преданных революции, отправились воевать на фронты гражданской войны, а многие специалисты не желали служить за предлагаемое по контракту низкое жалование, уступив свои места неопытным новичкам. В результате, к лету 1918 г. на Балтийском флоте сложилась ситуация, когда из-за острой нехватки специалистов корабли оказались бездействующими. Поскольку в то время значительная часть флота все равно была заперта в бухте Кронштадта и в русле Невы, повторная мобилизация опытных матросов на Балтийский флот была не столько попыткой восполнить поредевшие экипажи стоявших на якоре судов, сколько способом создать резерв ветеранов для отчаянно нуждавшейся в воинской силе Красной армии. Только отдельные матросы из числа вновь мобилизованных, те, кто обладал уникальной, особо востребованной квалификацией, имели шанс получить назначение на суда флота (88).

В сентябре 1918 г. демобилизованные матросы 1915, 1916 и 1917 годов призыва были вновь мобилизованы. Мнения московских и петроградских властей о том, как их использовать, разделились. Москва хотела направить их сразу в Красную армию, на фронт, в то время как собственно флотское начальство в Петрограде было намерено организовать их в отряды под своим контролем. Поскольку мобилизованные были моряками, комиссары Балтийского флота планировали заменить ими флотские подразделения, ушедшие на фронт (89). Флотские власти победили. После призыва тысячи вновь мобилизованных матросов были направлены в Петроград и Кронштадт для временной дислокации и ориентировки, с последующей отправкой на фронт. Как признался один балтфлотский комиссар, «мы надеялись, что в каждом моряке есть особая революционная искра, которая всегда сможет развиться в огромный пожар» (90).

Скоро стало очевидно, что ожидания Москвы в отношении военной ценности мобилизованных матросов, как и надежды, возлагаемые на них флотскими комиссарами, были в равной степени несбыточными. В ретроспективе, трудно представить, как могло быть иначе. Многие из мобилизованных матросов приехали из деревень, где преобладало влияние левых эсеров. Все лето они своими глазами видели все те ужасы, которые творили в деревне руководимые

большевиками вооруженные продотряды и комитеты деревенской бедноты. Другие прибыли из промышленных центров, где нашли свои заводы закрытыми и, вместе с другими рабочими, на себе испытали, что такое безработица, голод и эпидемии.

Кроме того, организация размещения мобилизованных матросов оказалась отвратительной. Число прибывших призывников вдвое превысило ожидаемое (десять тысяч против пяти-шести, как планировалось) (91). Поскольку сразу же было решено, что размещать их на кораблях было бы политически неразумно (там они могли легко заразить своими антибольшевистскими настроениями действующие экипажи или то, что от них осталось, а, кроме того, враждебное отношение мобилизованных ветеранов к новичкам-контрактникам могло привести к столкновениям), многих матросов разместили по казармам и во временном жилье в Кронштадте и Петрограде. Очень скоро отданые под это дело помещения оказались переполнены. Условия проживания во всех из них были одинаково чудовищны, но все же не настолько, как в полуразвалившихся казармах Второго флотского экипажа, в которых разместили несколько тысяч мобилизованных матросов. Чрезвычайная комиссия, назначенная президиумом Петроградского Совета специально для проверки этих казарм, в своем отчете от 18 октября записала, что они грязные, темные и до крайности переполненные. Окна разбиты, двери не имеют замков. Уборные отвратительные. Асфальтовые полы не подметаются, не говоря уже о мытье, и покрыты слоем липкой грязи. По углам разлагаются кучи экскрементов. Койки старые, с железными пружинами, многие из них сломаны. Большинство коек голые — ни матрасов, ни одеял, ни подушек. Нет ни мисок, ни чайников, ни кружек. Матросы едят из общих помойных ведер, которых тоже не хватает. Водопроводные трубы текут; нет ни мыла, ни полотенец. У матросов нет форменной одежды, больше чем у половины нет обуви (92).

Неудивительно, что мобилизованные матросы оказались готовы к восстанию. На заседании ПК большевиков 26 сентября Зиновьев выразил тревогу по поводу мобилизованных матросов, заявив о «невыносимых» условиях в казармах и необходимости политической работы среди них (93). Полторы недели спустя большевизированный исполком Кронштадтского Совета зафиксировал «явно антисоветские» настроения в среде мобилизованных матросов и постановил

предпринять шаги к устраниению, как он выразился, «нежелательных и вредных элементов» (94). Однако корень проблемы заключался не в отсутствии партийной работы и не в присутствии нежелательных элементов среди мобилизованных матросов — к тому же, все равно ничего не было сделано, чтобы то и другое исправить. Поэтому матросы тяготели больше к левым эсерам, влияние которых в их среде было велико с самого начала и которые проявляли подлинный интерес к их тяжелому положению. Политические резолюции, принятые мобилизованными матросами Второго экипажа Балтийского флота еще до выступления, стали отражением естественной синергетической связи между ними и левыми эсерами.

Первые признаки политических волнений среди мобилизованных матросов наблюдались в Кронштадте (95). Первый массовый митинг протesta матросов Второго экипажа Балтийского флота, расквартированного в Петрограде, произошел 4 октября, вскоре после прибытия в город большинства из них. В резолюциях, принятых на этом митинге единогласно, соединились личные заботы матросов с их позициями по более широким вопросам, в которых сказалось влияние пропаганды Военно-морской организации Петроградского комитета левых эсеров (96). Беспокойство по поводу собственной безопасности и выживания выразилось в требованиях об обязательном вооружении всех рот экипажа (впоследствии морякам удалось раздобыть несколько револьверов, но это было и все); о том, чтобы решение вопросов, связанных с продовольственным снабжением и его улучшением, было поручено выборному комитету; о немедленной выдаче матросам военной формы. Более широкие требования предусматривали замену всех некомпетентных добровольцев-контрактников на флоте квалифицированными кадрами из числа мобилизованных моряков (97) и освобождение из тюрем матросов, несправедливо арестованных большевиками (98).

Петроградские власти хорошо знали о враждебном отношении к ним со стороны мобилизованных матросов, особенно бывшего Черноморского флота. Тем не менее, не имея возможности улучшить их материальное положение, они пришли к заключению, что навести порядок в этой среде можно только с помощью серьезных репрессий. Однако была одна трудность. Говоря словами Ивана Флеровского, главного комиссара Балтийского флота и одного из главных

сторонников размещения мобилизованных матросов в Петрограде, «для серьезных репрессий нужны серьезные поводы» (99). Так что экипажи кораблей были приведены в готовность, чтобы — в нужный момент — выступить против мобилизованных матросов.

На второй неделе октября у недовольных матросов Второго флотского экипажа появился лидер — недавно прибывший в Петроград бывший черноморский матрос Яков Шашков. Шашков был активистом левоэсеровской партии. Примерно в это же время (не позднее 12 октября) левоэсеровская военно-морская организация обратилась к матросам с пламенным революционным обращением. Хотя каждая фраза этого обращения содержала протест против большевистской практики и призыв к матросам вновь, как в 1917 г., взять на себя роль революционного авангарда, тактический акцент в обращении был сделан не на немедленном действии, а на стойкости, организации и самодисциплине (100). Но у матросов к тому времени уже шли ежедневные митинги, один зажигательнее другого.

Последней каплей для экипажа, похоже, стали попытки комиссара Флеровского и его заместителя Ильи Фрунтова успокоить моряков на митинге 13 октября. Флеровскому матросы просто не дали говорить, заглушив его слова шумом и свистом. Еще грубее они поступили с Фрунтовым, стащив того с трибуны с криками «Гоните их в шею!» в адрес его и Флеровского (101). Прежде чем разойтись, они избрали представителей, которые должны были отправиться в Кронштадт искать поддержки для революционного выступления. (Большевистские власти Кронштадта не пустили их на территорию военно-морской базы.) На другом массовом митинге вечером того же дня Шашков, чьи ораторские способности признавали даже большевики, распалил толпу матросов яростной критикой большевистской власти и требованием вернуться к управлению через свободные, демократические, многопартийные Советы, т. е., такие, какими они были в 1917 г. В конце митинга матросы единодушно одобрили резолюцию, которая лучше, чем что-либо другое, свидетельствует о их неприятии большевистской практики и о влиянии на их поведение левых эсеров:

Мы требуем немедленного разрыва позорного для революционного народа Брестского договора. Мы требуем отказа от уплаты миллиардных контрибуций... Мы, моряки, только что вернувшиеся от плуга и стан-

ка, не можем умолчать о том, как стонет всюду трудовой народ от произвола и насилия наемных чиновников—комиссаров. Мы на себе испытали разгон съездов рабочих и крестьянских Советов и аресты. Мы видели избиения безвинных рабочих, крестьян и матросов и расстреляли...

Мы требуем восстановления истинной власти Советов!..

Долой Брестскую петлю!

Да здравствует международная социалистическая революция! (102)

ПЧК впоследствии заявила, что эта резолюция была отпечатана и размножена на копировальной машине в штаб-квартире петроградских левых эсеров (103).

На очередном массовом митинге, состоявшемся на следующий день, мятежно настроенные матросы продемонстрировали свою независимость, избрав своего товарища, Георгия Шанина, комиссаром вместо назначенного Флеровским Августа Кулберга. Они также избрали штат помощников Шанина. Своим «приказом № 1», провозгласившим эти изменения, Шанин отменил все приказы большевистских комиссаров, начиная с полудня текущего дня (14 октября). Следующий «приказ № 2» запретил доступ посторонним в помещения экипажа без разрешения новых властей (104).

Предприняв эти шаги, матросы, многие вооруженные револьверами, отправились на расположенный поблизости плац Первого морского берегового экипажа, где устроили митинг протesta, а затем, в сопровождении неустановленного количества моряков из этого подразделения, двинулись к Мариинскому театру и там, на площади перед театром, провели еще один митинг. Было уже семь часов вечера, когда несколько матросов во главе с Шашковым вошли в театр, прервали идущее там представление оперы Вагнера «Валькирия» в середине первого акта и реквизировали секцию духовых инструментов оркестра. После этого, скандируя под аккомпанемент труб и валторн антибольшевистские лозунги, они направились к невской пристани, чтобы уговорить экипажи стоящих там на якоре судов присоединиться к их выступлению.

Со своей стороны, Флеровский одновременно пытался организовать, силами экипажей тех же самых судов, подавление создающего

проблемы и потенциально опасного мятежа Второго экипажа (105). Когда он ехал на автомобиле вдоль набережной, дорогу ему внезапно преградили участники марша. Его немедленно узнали и, вытащив из машины, силой заставили присоединиться к протестующим. Как рассказывал Флеровский, Шашков повел их к Невскому проспекту, главному месту проведения политических акций в 1917 г. Когда Флеровский попытался вырваться, он был жестоко избит. Только прозвучавший на отдалении винтовочный выстрел, заставивший матросов разбежаться, спас его от растерзания. В последовавшей затем сумятице ему удалось скрыться (106).

Мятеж матросов Второго флотского экипажа закончился несколько часов спустя, когда, усталые и разочарованные неудачными попытками привлечь на свою сторону экипажи невских судов, они вернулись в свои казармы. Пока все отдыхали, Шашков отправился на поиски винтовок для вооружения матросов. Грузовик, в котором он ехал, вскоре был остановлен, Шашков арестован (107). Казармы Второго флотского экипажа были окружены войсками, и около пятидесяти матросов подверглись аресту (108). Усилия Петроградского и Северного областного комитетов левых эсеров организовать массы в поддержку матросов не увенчались успехом (109).

Между тем, Зиновьев увидел в неудавшемся мятеже отличную возможность раз и навсегда избавить Петроград от левых эсеров. Как заявил он в докладе о попытке мятежа на экстренном заседании Петроградского Совета 15 октября, «петроградский пролетариат должен, наконец, вколотить осиновый кол в могилу белогвардейской партии Камкова». Большая часть этого заседания была посвящена осуждению выступления Второго флотского экипажа, после чего депутаты приняли резолюцию, объявившую мятеж делом рук «темной шайки левоэсерских политиков и сознательных агентов англо-французского капитала» и «жалкой копией с жалкого июльского мятежа левых эсеров в Москве» (110). Тем самым, резолюция способствовала еще большей криминализации образа левых эсеров.

В том же духе, исполком Петроградского Совета постановил централизовать усилия по подавлению подобных контрреволюционных выступлений в будущем и принять «самые решительные меры борьбы с левыми эсерами, не останавливаясь перед ликвидацией организаций, существующих в районах» (111). Одновременно пре-

зиум Петроградского Совета назначил чрезвычайную комиссию по проверке состояния казарм Второго флотского экипажа. Ее шокирующий отчет от 18 октября был приведен выше. Нарисованная в нем картина невозможных бытовых условий мобилизованных матросов подтвердила обоснованность некоторых из наиболее серьезных личных требований моряков. 21 октября Фрунтов направил в Наркомат по военным делам в Москве телеграмму с просьбой приостановить переброску мобилизованных матросов в Петроград (112).

15 октября ПЧК совершила налет на штаб-квартиру левых эсеров в Петрограде, устроила там обыск и арестовала членов партии, находившихся в тот момент в помещении (113). В течение следующих нескольких дней все арестованные по делу о матросском мятеже были допрошены. 21 октября в президиум ПЧК поступила докладная записка с рекомендацией триадцать руководителей выступления (двоих из которых еще находились в розыске, а шестеро были левыми эсерами) расстрелять, а остальных отпустить (114). На следующий день эта рекомендация президиумом была одобрена, и той же ночью одиннадцать осужденных матросов были доставлены в Петропавловскую крепость и расстреляны (115).

Урок, извлеченный Петроградским Советом из выступления мобилизованных матросов, заставил его инициировать кампанию (для личного состава Второго флотского экипажа — обязательную) по разъяснению матросам Балтийского флота их революционного долга (116). Были организованы массовые митинги экипажей, на которых выступали флотские комиссары, а в конце непременно принимались резолюции с осуждением выступления Второго экипажа Балтфлота и клятвами верности Советской власти в ее существующей форме. Эти резолюции тут же публиковались в петроградской печати (117). О расстреле ночью 22/23 октября одиннадцати матросов, признанных виновными в организации мятежа, пресса сообщила лишь через неделю (118). Примечательно, что на другой день после того, как о расстреле моряков стало известно, экипаж линкора «Петропавловск», чья резолюция с осуждением мятежа Второго флотского экипажа была опубликована в числе первых (119), выступил с открытым протестом против того, что он назвал «зверской расправой», совершенной в отношении «истинных пролетариев, повинных лишь в том, что на почве действительно

сильного голода ими был устроен... не что иное, как голодный бунт, который впоследствии назывался противосоветским выступлением». Протест моряков «Петропавловска» не был опубликован. Направленный в ПЧК для принятия мер, он был подбит в папку с делом о мятеже мобилизованных матросов (120).

* * *

Став инициатором развязывания в Петрограде «красного террора», ПК большевиков значительно усилил свою роль в городском управлении. Истоки тяготения комитета к массовому террору крылись как в его радикализме в дни Октября, так и в его неподдельном беспокойстве по поводу возможной победы контрреволюции, внутренней и внешней, в период его крайней организационной слабости. Прозваненный «Красной газетой» после убийства Урицкого и покушения на Ленина лозунг «кровь за кровь» отвечал чувствам не только большевистского руководства, но и многих «горячих голов» в ПЧК, и таких правоверных большевиков-пролетариев, как С.П. Петров. То, что «красный террор» в Петрограде вспыхнул яростнее, распространялся быстрее и оказался, в конечном счете, более беспорядочным, чем в Москве и других крупных городах, было следствием, отчасти, бурной реакции Зиновьева на убийство Урицкого и, по горькой иронии, нетерпения части петроградских рабочих свести счеты со своими врагами, вызревшего в бытность Урицкого главой ПЧК.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Резолюция, принятая на втором из состоявшихся в тот день заседаний Совнаркома, предусматривала защиту Советской республики путем изоляции классовых врагов в концентрационных лагерях и расстрела всех лиц, причастных к «бслогвардейским» организациям, а также заговорам и мятежам — РГАСПИ, Ф 19 Оп 1 Д 192 Л 2, 10

2 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 66 Л 115–116

3 Там же Ф 1000 Оп 2 Д.7 Л 17, Северная коммуна 1918 7 сентября С 3

4 Петроградская правда 1918 6 сентября С 3, Северная коммуна 1918 6 сентября С.3

5 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 300 Л.2

6 Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы — М., 1988 С 154–155, она же Воспоминания — М., 1969 С 161

7 Об этом столкновении с Зиновьевым и о позиции Бокия Стасова упомянула в письме Свердлову в Москву 28 сентября — РГАСПИ Ф 466 Оп 1 Д 7 Л 80

8 Петроградская правда 1918 31 августа С 1

9 Вооруженный народ 1918 1 сентября С 1

10 См., напр., там же 3 сентября С 1

11 Материалы дела, заведенного ПЧК на «Каморру», свидетельствуют, что она состояла вовсе не из многочисленных бывших членов «Союза русского народа», как полагали в свое время, а, по сути, из одного-единственного фанатика-антисемита по имени Лука Злотников, который также был расстрелян — АУ ФСБ СПб и ЛО №30377 Т 3 Л 63, Т 4 Л 17, 53–53об

12 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 126 Т 2 Л 6об, 14, 163, Меньшики в Советской России Сборник документов Под ред А.Л. Литвина — Казань, 1998 С 38–39, *Беглецов Ник В дни «красного террора» //Че-Ка* Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий — Берлин, 1922 С 69–80 Оставшиеся были амнистированы 18 ноября — ГАРФ Ф 1235 Оп 36 Д 2 Л 2

13 Петроградская правда 1918 6 сентября С 2

14. См., напр., Вооруженный народ 1918 3 сентября С 1

15 Ежеседельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией №6 С 19 О съезде ПЧК см. ниже

16 АУ ФСБ СПб и ЛО Ф 1 Л 7, 8 Общая, сводная, цифра по расстрелам в период «красного террора», приводимая в этих таблицах, — 841 За период с 14 марта 1918 г по 1 января 1919 г 10227 лиц, обвиненных в политических и экономических преступлениях, были помещены в концентрационные лагеря, 13742 — в тюрьмы и 1800 содержались «в ПЧК», по-видимому, на Городской, 2 Еще 6106 лиц были задержаны в качестве «заложников». Можно предположить, что значительно, в процентном отношении, число этих последних были арестованы в ходе «красного террора». Всего, согласно этим таблицам, за девять с половиной месяцев 1918 г ПЧК и Петроградской губчка были арестованы 38075 человек

17 Северная коммуна 1918 19 октября С 2–3

18 ЦГА СПб Ф 9672 Оп 1 Д 566 Л 13–14

19 Красная газета 1918, 31 августа С 1

20 Там же 4 сентября С 1

21 ЦГАЛИ Ф 63 Оп.1 Д 62 Л 135–149

22 Содержательный анализ «заговора Локхарта», предполагающий, что Локхарт был гораздо глубже вовлечен в деятельность по свержению Советского правительства, чем сам он признавал, см. *Debo Lokhart Plot or Dzerzhinski Plot? //Journal of Modern History Vol 43 No 3 (1970) P 413–439*

23 Северная коммуна (всесрочный выпуск) 1918 2 сентября С 3

24 См. секретный меморандум от 19 сентября 1918 г., подготовленный майором Джоном Скэйлом [Scale] или его сотрудниками. Опытный специалист в российских делах, майор английской разведки Скэйл служил в ту пору в Стокгольме, и в его обязанности входило контролировать тайных агентов в России. В меморандуме сообщалось об отчете Холла, который только что прибыл в Стокгольм из Петрограда — TNA PRO ADM 223/637/P 83

25 Ibid

26 Северная коммуна 1918 2 сентября С 3

27 TNA PRO, ADM 223/637/P 83

28 Лубянка 2 Из истории отечественной контрразведки Под ред В.А. Соболева — М., 1999 С 171

29 Софинов П Г Очерки истории ВЧК — М , 1960 С 101. Бережков В И Питерскис прокураторы Руководитель ВЧК-МГБ — СПб , 1998 С 35

30 Бережков Указ соч С 36

31 «Казначей посольства» — это была должность, которую глава британской разведки в России Бойс использовал как прикрытие

32 TNA PRO, FO 371/3975/206714 Скарлст Пимпернел — герой одноименной пьесы известной английской писательницы венгерского происхождения Эммушки Орчи Действие пьесы, написанной в начале XX века, происходит во время Великой французской революции Главный герой, называющий себя «Скарлст Пимпернел» (по названию распространенного в Британии растения с ярко-красными цветками), прославился тем, что хитроумными способами переправлял на Британские острова тех, кто спасался от ужасов Террора в Париже

33 Michael Hughs Inside the Enigma British Officials in Russia. 1900–1930 — London, 1997 Р 176

34 В своих воспоминаниях Яков Петерс, руководивший расследованием «дела Локхарта» в Москве, с раздражением пишет о действиях ПЧК, потерявшихся с арестом «агентов Локхарта» По его мнению, это вызвало необходимость раньше времени произвести захват иностранных агентов в Москве до того, как следствие по ним было завершено — Петерс Я Х Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции //Пролетарская революция 1924 №10 (33) С 25

35 Самые полные репортажи о процессе были опубликованы в «Известиях» — Известия (Москва) 1918 29 ноября С 3, 30 ноября С 3, 1 декабря С 2, 3 декабря С 3, 4 декабря С 2

36 Северная коммуна 1918 3 сентября С 1

37 По этому поводу см Gordon Brook-Shepherd Iron Maze The Western Secret Services and the Bolsheviks — London, 1999 Р 90

38 ЦГА СПб Ф 8098 Оп 1 Д 1а Л 164–164об

39 Только в сентябре германский консул направил Бокию семь писем со списками См , напр . ЦГА СПб Ф 8098 Оп 1 Д 1а Л 11, 51, 172, 172об

40 Там же Л 172об Сюда входили 218 человек, арестованных до «красного террора»

41 Там же Л 71

42 Там же Л 172об

43 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 48 Л 172

44 Там же Ф.6276 Оп 3 Д 5 Л 46–46об

45 Там же Ф 143 Оп 1 Д 51 Л 183.

46 Там же Ф 9672 Оп 1 Д 566 Л 13об

47 Стасова Е Д Страницы жизни и борьбы С.155

48. ЦГА СПб Ф 2551. Оп 1 Д 2266 Л.1–11 Здесь содержится целый ряд обращений отдельных артистов, музыкальных и театральных коллективов, директоров театров с просьбой освободить их коллег и ведущих исполнителей

49 РГА ВМФ Ф р-5 Оп 1 Д 265 Л 54, 68, 69, 80, 90, Ф р-342 Оп 1 Д 116 Л 597, Ф р-852 Оп 1 Д 26 Л 313

50 Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918 №1 22 сентября С 11

51 Сборник декретов и постановлений по союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1 С 147

52 ЦГА СПб Ф 142 Оп 1 Д 9 Л 308

53 Там же Ф 1000 Оп 1 Д.8 Л 14–15

54 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 117 Л 11

- 55 Алексеева Т. Матвеев Н. Доверено защищать революцию О Г И Бокин — М , 1987 С 218–219
- 56 РГАСПИ Ф 466 Оп 1 Д 7 Л 80–81
- 57 См выше
- 58 ЦГА СПб Ф 6276 Оп 3 Д 5 Л 43об
- 59 Там же Ф 1000 Оп 2 Д 10 Л 3–9
- 60 Там же Ф 2551 Оп 1 Д 2266 Л 1–11
- 61 Там же Ф 1000 Оп 2 Д 10 Л 8
- 62 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 75 Л 154
- 63 Там же Д 120 Л 44 Некоторые данные из этих анкет были опубликованы Струмилиным в конце 1918 г См Струмилин [С] Состав партии коммунистов в Петрограде в сентябре 1918 г //Петербургская правда 1918 12 декабря С.2
- 64 По этому поводу см также «годовой отчет» ПК за 1918 г. — ЦГАИПД Ф 1 Оп 1. Д 64 Л 71
- 65 См . , напр , речь Зиновьева на Пятом губернском съезде Советов 21 августа (Стенографический отчет о работе Пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петроградской губернии С 18) и выше, глава 9
- 66 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д.814 Л 239
- 67 Там же Ф 1 Оп 1 Д 120 Л 82
- 68 Там же Л 80
- 69 Рашин А. Демобилизация промышленного труда в Петроградской губернии за 1917–18 гг //Материалы по статистике труда Под ред С Струмилина Вып 5 — Иг , 1919 С 48, Петроградская правда 1918 12 декабря С 2
- 70 ЦГАИПД Ф.1 Оп.1 Д 64 Л 71 об-72, Петроградская правда 1918 12 декабря. С 2
- 71 ЦГАИПД Ф.1 Оп.1 Д 72 Л.1–11, Вооруженный народ 1918 22 сентября С 2
- По поводу прав и обязанностей «сочувствующих» см Устав организации сочувствующих Российской коммунистической партии (большевиков) — Пг., 1918
- 72 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 117 Л 4
- 73 Там же
- 74 Там же. Ф 4000. Оп 7 Д 814 Л 195–196; Д 820 Л 18, 104–118
- 75 Там же Ф.1 Оп 1 Д 64. Л 48
- 76 См выше, глава 6
- 77 См Ольминский М. О чрезвычайных комиссиях //Правда (Москва) 1918 8 октября С 1
- 78 Еженедельник чрезвычайных комиссий 1918 №1 22 сентября С 1
- 79 Там же №6 27 октября С 17–24
- 80 Там же С 19
- 81 Там же С 20–22 Зиновьев утверждал, что в одной ЧК был поднят вопрос о том, можно ли, в случае необходимости, арестовать Совнарком
- 82 Протоколы 1-го съезда представителей губ. совдепов и заведывающих губернскими отделами управления — М , 1918 С 78 См также ЦГА СПб Ф 143 Оп 1. Д 4 Л 72
- 83 ГАРФ Ф 393 Оп 1 Д 58 Л 272, 277–277об См также Вестник областного комиссариата внутренних дел (Союза коммун Северной области) №3 С 156–157
- 84 ГАРФ Ф 393 Оп 1 Д 58 Л 278, Еженедельник чрезвычайных комиссий №6 С 22
- 85 См выше, глава 9
- 86 ЦГАИПД Ф 1817 Оп 1 Д 107 Л 1–4об, 7–7об, 11–13
- 87 Там же Л 4–4об, 11–13, 15, 18

- 88 РГА ВМФ Ф р-342 Оп 1 Д 145 Л 244.
89 Северная коммуна 1918 16 октября С 2
90 Там же
91 *Флеровский И.* Мятеж мобилизованных матросов в Петербурге //Пролетарская революция 1926 №8 (55) С 220
92 РГА ВМФ Ф р-96 Оп 1 Д 21 Л 57–59
93 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 230
94 РГА ВМФ Ф р-661 Оп 1 Д 139 Л 24
95 Северная коммуна 1918 16 октября С 2
96 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 3 Л 2.
97 Там же См также РГА ВМФ Ф р-96 Оп 1 Д 7 Л 120
98 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 3 Л 2
99 *Флеровский* Указ соч С 225
100 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 3 Л 6
101 Северная коммуна 1918 16 октября С 2
102 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 3 Л 3–Зоб
103 Там же Т 2 Л 4.
104 См *Флеровский* Указ соч С 226–227
105 Там же С 229
106 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 2 Л 4об-5, Северная коммуна 1918 16 октября С 2,
Флеровский Указ соч. С 229–231
107 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 2 Л 5
108 Вооруженный народ 1918 17 октября С 2
109 ГОПБ Фонд листовок
110 Северная коммуна 1918. 16 октября С 2
111 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 252 Л 53
112 РГА ВМФ Ф р-342 Оп 1 Д 245 Л.312
113 ЦА ФСБ РФ №Н-2 Т 2 Л 9–9об
114 Там же Л 4–6
115. Там же Л 10–11
116 Вооруженный народ 1918 18 октября С 2
117 См , напр , там же 17 октября С 4 и 18 октября С 4
118 Петроградская правда 1918 30 октября С 2
119 Вооруженный народ 1918 18 октября С 4
120 РГА ВМФ Ф р-96 Оп 1 Д 7 Л 126